

— Эх, всё из-за твоего непутевого брата! — воскликнул Цзи Дачэн, хватая Цзи Жаня за руку. — Он задолжал триста лян в азартных играх! Из игорного дома уже пришли требовать долг, стоят у самых ворот, бьют и крушат. Грозят, что если через десять дней деньги не вернут, то продадут Сяожу и Сяююэ в публичный дом в уплату долга, а иначе... иначе сломают твоему брату ноги! У меня ведь только он один, продолжение рода! Если с ним что случится, мне и жить дальше незачем! — Говоря это, Цзи Дачэн ухватил Цзи Жаня за руку. — Племянник, сейчас только ты можешь нам помочь. Ты же поможешь дяде?

— Цзи Сяоху проигрался в долг? Кому? В каком игорном доме? — Цзи Жань выдернул руку из захвата дяди. — Я одолжу вам денег на этот раз, а в следующий? И в последующий? Неужели я должен вечно быть вашим спасителем?

— Племянник, ты... — Сначала Цзи Дачэн, услышав вопросы, обрадовался, подумав, что тот соглашается помочь, но следующие слова заставили его побледнеть от злости. — Что за речи? Сяоху — твой брат, Сяожу и Сяююэ — твои сёстры! Неужели ты действительно готов оставить их в беде?

— Ты сам сказал — триста лян. А сможешь ли ты мне их вернуть? — Цзи Жань усмехнулся. — Дядя, не говори о том, что я оставляю в беде. Даже между братьями счёт должен быть ясен. Мои деньги не с неба падают. Бесконечно помогать моему азартному кузену, который никогда не вернёт долг — это бездонная бочка. На этот раз триста, в следующий — пятьсот или тысячу. Такого благодетеля, что раздаёт деньги без конца, я из себя изображать не намерен. Я не настолько богат и не настолько щедр.

Губы Цзи Дачэна задрожали, на лице отразилось отчаяние. — Ты... ты и вправду так жесток...

— Не говори о жестокости. Кое-что мы оба знаем, хотя другие и не ведают, — голос Цзи Жаня звучал спокойно, но с горькой ноткой. — Если бы не те пять лян, что дед припас на свои похороны, меня бы давно продали в рабство. Повезло бы — служил бы в богатом доме, честно трудился, мог бы как-то прожить. А если нет... кто знает, дожил бы я до сегодняшнего дня? Так что, если о благодарности говорить, то я должен быть благодарен деду. — Хотя это была судьба прежнего хозяина тела, она почему-то трогала Цзи Жаня. — Но даже если не о благодарности, так о родственных узах. Совсем не помочь — будет неправильно. Сяоху мне не интересен, но и смотреть, как две сестры попадают в огонь, я не могу. Ладно, трёхсот лян у меня нет. Даю пятьдесят. Это не в долг, просто как помощь семьи. Остальное вам самим придётся искать.

— Пятьдесят лян... — Глаза Цзи Дачэна блеснули надеждой, но тут же помрачнели. — Пятьдесят лян — капля в море! Ведь нужно целых триста! Не хватает ещё двести пятьдесят! Мы с тёткой — простые деревенские, даже если обойти всю деревню семьи Цзи, такой суммы не соберёшь!

— Тогда я бессилён, — развёл руками Цзи Жань. — Дядя, ты зайдёшь со мной за деньгами или подождёшь здесь, пока я их принесу?

Цзи Дачэн глянул на ворота и покачал головой. — Я подожду здесь. Племянник, посмотри, нельзя ли...

— Тогда подожди немного, — не дав дяде договорить, Цзи Жань обошёл его и направился к воротам.

Вернувшись за деньгами, Цзи Жань не стал сразу их выносить. Вместо этого он взял бумагу и кисть, велел Лу Чжэню составить расписку, и лишь затем вышел с серебром и документом.

— Эти пятьдесят лян — в уплату за то, что вы растили меня все эти годы. Но на этом наши отношения закончены. Впредь, если случится подобное, ко мне не приходите. Продадут ли их в публичный дом, сломают ли руки-ноги — меня это не касается. Я больше не вмешуюсь. — Цзи Жань потрогал серебряный слиток, но не отдавал его Цзи Дачэну. Выждав, чтобы тот изныл от нетерпения, он достал расписку. — Слова — ветер, будем держаться документа.

— Расписка... Ты же сказал, что это не в долг. Зачем тогда расписка? Мы ведь семья, к чему такая чопорность?..

— Всё же лучше составить, — усмехнулся Цзи Жань. — Мы оба знаем, каков Сяоху. Решив эту проблему, он не станет благодарным и не переосмыслит жизнь. Наоборот, станет ещё наглее. Как вы с тёткой справляетесь — ваше дело, а я не хочу быть вечным спасителем. — Видя, как Цзи Дачэн недовольно хмурится, Цзи Жань поигрывал слитком с насмешливой улыбкой. — Я просто хочу подстраховаться. Если ты не хочешь подписывать расписку, то и денег не получишь. Не хочу, чтобы моя доброта обернулась большой проблемой.

На этом этапе, если бы Цзи Дачэн отказался, ему пришлось бы уйти с пустыми руками. Хотя ему было неприятно, ради пятидесяти лян он был готов на всё. Какая разница, что за расписка, лишь бы серебро в руки получить!

Решившись, Цзи Дачэн глубоко вздохнул и кивнул. — Ладно.

Цзи Жань улыбнулся и протянул расписку. — Тогда, дядя, поставь отпечаток пальца.

Не имея под рукой киноварной пасты, ради пятидесяти лян Цзи Дачэн пошёл на крайние меры — укусил указательный палец и поставил кровавый отпечаток.

Цзи Жань остался доволен, отдал слиток и неспешно сложил расписку.

— Уже темнеет, дядя, может, переночуешь и уедешь завтра? — Спрятав расписку за пояс, Цзи Жань взглянул на небо.

— Нет, мне недалеко, — ответил Цзи Дачэн. Мало того что из-за денег на душе было скверно, так ещё и прошлый зловеющий опыт не давал покоя. Десять жизней не хватит, чтобы снова войти в этот дом. — Тогда я пойду.

— Хорошо, счастливого пути, дядя. — Цзи Жань и не собирался искренне уговаривать его остаться, потому просто кивнул.

Когда Цзи Дачэн ушёл, Цзи Жань повернулся, чтобы вернуться домой, но, пройдя несколько шагов, обнаружил, что Лу Чжэнь не следует за ним. Удивлённо оглянувшись, он увидел, как тот поплыл вслед за Цзи Дачэном.

Цзи Жань: «...» Что он опять задумал?

Было ясно, что этот мертвец подкрадывается не с добрыми намерениями. Но, может, и хорошо — напугает так, что больше не придёт, и дело с концом. Главное, чтобы не перестарался и не дошёл до смерти.

Цзи Жань понаблюдал немного, но любопытство пересилило, и он украдкой последовал за ними. Он думал, что Лу Чжэнь начнёт свои проделки через несколько шагов, но тот шёл за Цзи Дачэном, переходя через один холм за другим.

Что он задумал?

Идти по снегу было тяжело, но ничто не могло погасить пылавший в Цзи Жане исследовательский дух. Он уже начал подозревать, что Лу Чжэнь собирается следовать за Цзи Дачэном до самой деревни семьи Цзи, как тот внезапно остановился, обернулся и улыбнулся ему загадочной улыбкой.

Цзи Жань: «...»

Он что, с ума сошёл?

Цзи Жань дёрнул уголком глаза. Он не стал подходить ближе, обнаружив себя, а остался в укрытии поодаль, выжидая, что же затеял Лу Чжэнь.

И вот в этот момент Лу Чжэнь сорвал у дороги пучок травы, быстрыми движениями пальцев скрутил из неё подобие человечка, поднёс его к затылку Цзи Дачэна и дунул. Тот вздрогнул, очнулся и увидел прямо перед собой изящно шагающую юную девушку. Лицо её было прекрасно, как у небожительницы, брови — тонкие, как крылья мотылька. Лёгкая розовая накидка едва прикрывала тело, обнажая соблазнительные прелести. Её наряд был столь откровенен, что даже продажные женщины позавидовали бы.

И вот эта красавица подошла прямо к Цзи Дачэну, поиграла прядью волос, соблазнительно улыбнулась, пошатнулась и упала прямо в его объятия.

Цзи Дачэн почти рефлекторно обхватил её и, обняв, уже не мог отпустить. Руки его сами собой принялись ласкать тело девушки.

Та не только не сердилась, но и залилась серебристым смехом. И едва грубые руки коснулись её, она уже начала тяжело дышать. Звуки, которые она издавала, могли смутить кого угодно — не то что Цзи Дачэна с красавицей в объятиях, даже Цзи Жаню стало не по себе, по телу пробежала дрожь.

А Цзи Дачэн, даже не усомнившись, полностью потерял голову. Он подхватил девушку на руки и, пылая страстью, понёс её за придорожный холмик. Тут же полетела во все стороны одежда. Что они там делали — понятно и дураку.

Цзи Жань, наблюдавший за всей сценой, выразил на лице целую гамму чувств.

В этот момент Лу Чжэнь подплыл к нему. — Пора возвращаться.

— погоди, — Цзи Жань тут же ухватил Лу Чжэня за руку и указал на холмик. — С ними всё будет в порядке?

<http://bllate.org/book/16271/1464575>